

Кутищев Александр Васильевич

СОСЛОВНОЕ ДОСТОИНСТВО МОСКОВСКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVI-XVII ВЕКАХ

Статья подготовлена в рамках исследования, в центре которого - культурно-цивилизационный анализ отечественного и западноевропейского военного дела периода позднего феодализма. На основе отечественных, а также иностранных источников XVI-XVII веков автор прослеживает эволюцию сословных нравственно-этических качеств европейского и московского дворянства. Честь, гордость, жажда славы анализируются через призму индивидуализма европейской культурной среды и общинной психологии русского мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 105-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. Stevens H. The Life and the Music of Béla Bartók. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1953. XVIII+366 p.
14. Szabolcsi B. Béla Bartók, Leben und Werk. Lpz., 1961. 216 p.
15. Tallian T. Die "Cantata profana" – Ein Mithos der Übergangs. Akademia Kiado. Budapest, 1981. 47 p.
16. Tarasti E. Myth and musik. A semiotic Approach to the Hesthetics of Myth in Music. Helsinki: Suomen Musiikkiteollinen Seura, 1978. 364 p.

THE SHADOW OF OEDIPUS: SPECIFICITY OF RITUALISM IN THE DRAMATURGY OF THE OPERA BY B. BARTÓK "BLUEBEARD'S CASTLE"

Krasnova OI'ga Borisovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Sobinov Saratov State Conservatory
alienor@inbox.ru

The article analyzes the opera by B. Bartók, revealing the relationship of the myth-ritual triad and the symbolic arsenal of the plot in the dramaturgy. The paper proposes an approach that relates the psychological and mythological aspects of the opera in a new way. The author comes to the conclusion that the text of the opera represents the stages of a liminal ritual leading to the character's acquisition of a new status and the exchange of standard ritual roles. The material of the study can be used in higher school courses on the history of art.

Key words and phrases: Mystery; symbolic drama; myth-ritual status; dramaturgy; triad character; Nature and Culture.

УДК 9; 93:930.85

Исторические науки и археология

Статья подготовлена в рамках исследования, в центре которого – культурно-цивилизационный анализ отечественного и западноевропейского военного дела периода позднего феодализма. На основе отечественных, а также иностранных источников XVI-XVII веков автор прослеживает эволюцию сословных нравственно-этических качеств европейского и московского дворянства. Честь, гордость, жажда славы анализируются через призму индивидуализма европейской культурной среды и общинной психологии русского мира.

Ключевые слова и фразы: позднее Средневековье; европейское дворянство; московские служилые люди; кодекс чести; куртуазная этика; православные ценности; честь; достоинство; смиренность; кротость; индивидуализм и коллективизм.

Кутищев Александр Васильевич, к.и.н., доцент
Уральский государственный университет путей сообщения
kutishhev@yandex.ru

СОСЛОВНОЕ ДОСТОИНСТВО МОСКОВСКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVI-XVII ВЕКАХ

Сформировавшийся на заре европейской цивилизации рыцарский кодекс чести надолго пережил военное сословие, имя которого собственно и носил. Достоинство рыцаря-дворянина рассматривалось как интегральная нравственно-этическая ценность и естественным образом основывалось на индивидуальных качествах. Рыцарский кодекс чести призывал быть храбрым воином, преданно служить сюзерену, защищать слабых и обиженных, бороться за христианскую веру. Рыцарь-сюзерен был обязан заботиться о своем вассале и щедро его одаривать. Рыцарь был чужд коварству и подлости. К побежденному противнику следовало проявлять великодушие.

Расцвет рыцарства, с его военной романтикой, преданностью королям, презрением к опасностям, пришелся на раннее Средневековье. Но время было неумолимо к этому романтическому воинству, и к XIV веку все отчетливее проявляются признаки упадка рыцарства как военного сословия. Претерпела некоторые изменения и его этическая культура. В целом эволюция заключалась в усложнении манер, неписаных правил, условностей: от рыцарского кодекса чести и дворянской корпоративной этики далее – к куртуазной придворной культуре.

Старые сословные ценности приобретали несколько иное толкование и адаптировались применительно к современному этикету. Так, словарь *Academie Francaise* в 1694 г. трактовал достоинство (merit) как «совокупность высоких добрых качеств личности». Но при этом подчеркивалось, что важны не сами по себе высокие качества, а превосходство над окружающими, достигнутое с их помощью. «Когда говорят, он вел себя достойно по отношению к кому-либо, это значит не что иное, как то, что он добился славы и доказал свое превосходство над кем-то в каком-то начинании» [16, p. 228].

Всеобщий словарь Энтони Фурье также сводил достоинство (merit) к выдающимся свойствам личности. Но в этой, уже знакомой, коннотации выделялась внутренняя контрастность достоинства: «...обладать или в высшей степени добрыми или самыми дурными качествами, тем самым привлекать или честь или презрение» или «...достойный или низкий поступок, который влечет за собой или вознаграждение, или наказание» [19, p. 318].

Вся дворянская корпоративная культура позднего феодализма была проникнута духом индивидуализма. Честь, слава, великодушие, щедрость – эти и другие ценности обязательно связаны с конкретными лицами, героями, представителями благородных фамилий. Дворянский культурный дискурс тяготеет к личностным отношениям и связям. Авторы апеллируют к личностным контактам, особенно с высшими слоями, монархами, градами, принцами крови. Мемуаристы и фамильные биографы акцентируют внимание на знаках признательности, выказанных королями героям их семейных историй. Типичной является, например, история рода Шабанэ, созданная в назидание потомкам этой благородной фамилии. Автор посвящения, Дю Плесси, повествует о личных связях Карла VII и Антуана де Шабане, его ближнего вельможи. Перед читателем непрерывной чередой следуют сцены дружеских встреч, личных бесед, доверительных фраз и откровений с участием короля и графа. Особенное значение приобретают обращенные к нему предсмертные слова короля: «Тебе я всегда доверял как самому себе» [18, р. 63]. Дю Пац, фамильный историк рода Де Моляков, приводит высказывания короля Генри IV в адрес барона Де Моляка: «Его Величество... по несколько раз в месяц высказывал одобрение по поводу его верной службы», а один раз лично заверял его в письме, что «если и дальше ты будешь с таким усердием исполнять свой долг, ты найдешь во мне благодарного господина и верного товарища» [17, р. 109, 122]. Более поздний мемуарист той же аристократической семьи Вульсон Коломбье писал, что «личное мнение короля о нем и истинные сведения о его заслугах и усердии» стали поводом того, что в 1602 г. «во время возникших в стране трудностей» король лично отдал приказание Моляку сформировать полк [15, р. 24]. Восхваляя достоинства канцлера Франсуа де Монтолона, Жак Броссе сетовал, что Монтолон «был настолько скрытен, что при дворе редко кто был наслышан о его истинных достоинствах и подвигах. И только личные письма короля, хранящиеся в его бумагах, проливают свет на его исключительные заслуги перед троном. В них великий Генри IV обращался к нему не иначе, как Де Монтолон, мой друг...», и подписывался «Ваш добрый друг Генри» [12, р. 21]. Доверие монарха являлось истинным подтверждением высокого достоинства дворянских родов и было призвано служить образцом для подражания грядущих поколений.

Интересно, что в общем нравоучительном тоне дворянских историй все заметнее пробиваются откровенно меркантильные нотки. Благородные качества оцениваются с утилитарной точки зрения, становясь банальным средством, с помощью которого возможно выделиться из толпы, привлечь внимание сюзерена, прославиться. Один из сведущих авторов проникает в самую природу придворной культуры: «Даже самый достойный поступок дворянина мало стоит, если о нем не становится известно королю». Развивая эту деликатную тему, он подчеркивает, что придворный «в самом начале своей карьеры должен быть заметен». Для этого возможно «быть при дворе короля во всех поездках, где только возможно, постоянно играть в этом спектакле, где самые благородные демонстрируют себя в блеске и сиянии своих достоинств». Поле боя, как и придворное общество, становятся настоящей театральной сценой, где дворянство демонстрирует свои способности, пытаясь привлечь внимание пэров и самого короля [20, р. 4]. Эта идея выделяется из общей этической канвы и приобретает доминантное звучание уже в начале XVI века. Так, гуманист и писатель Б. Кастильоне в известном трактате о придворной культуре предлагает простые правила для молодежи: «Собираясь принять участие в кровавой битве, отчаянном штурме, вылазке или обычной военной переделке, позаботьтесь о том, чтобы выделиться из общей массы участвующих, постарайтесь проявить свою отвагу, дерзость и хладнокровие перед наиболее благородными и известными в армии вождями, и особенно, если возможно, перед королем или принцем, которым вы служите, это будет самое достойное и полезное, что вы можете сделать для себя» [13, р. 99].

Тот же путь предлагает известный полководец и опытный придворный середины XVI века Блез де Монлюк. Лучше других он понимает: вряд ли каждому дворянину представится возможность проявить свою отвагу в присутствии короля. Поэтому Монлюк советует любыми возможными мерами добиться, чтобы королю стало известно о совершенных подвигах [22, р. 485–486].

По этой причине и дуэль, дерзкий акт самоутверждения, требовала как можно больше зрителей. Честолюбие и презрение к смерти дуэлянтов мало стоили, если дуэль проходила без свидетелей. Ведь только так она могла стать достоянием придворного общества. Только через свидетелей оно могло узнать о выдающихся качествах дуэлянтов. Один из авторов XVII века, Ренэ Керизье, обращал особое внимание на публичность поединка: «...только тот открыт для общества, кому нечего стыдиться» [14, р. 176].

Этическая культура русского дворянства складывалась в иных исторических условиях. В раннем Средневековье еще сохранялась некоторая идентичность с Европой, но последующий ход истории развел по сторонам и, более того, противопоставил друг другу Восток и Запад. Этика русского дворянства складывалась в лоне византийско-православной культуры, под гнетом восточного деспотизма. Не прижилась и в конце концов была растоптана копытами монгольских коней иерархия вассалитета в пользу подданничества. Немаловажную роль сыграло политическое бесправие, фактическое отсутствие частной собственности на землю, неуважение к личности и др. На Руси так и не сложилась социально-культурная почва для феномена рыцарства.

Московское служилое сословие, аналог европейского дворянства, воспитывалось в условиях полного господства православия, культивировавшего несколько иные ценности. Гордость, самолюбие, тщеславие считались несовместимыми с общепризнанной моралью. Культивировались антиподы этих качеств – кротость и смирение. Истоиво проповедовались христианская любовь, благочестие, самопожертвование, милосердие. Зато индивидуализм в любых формах и качествах: стремление к самовыражению, здоровый карьеризм, жажда славы, чувство гордости, честолюбие – подвергался порицанию. Выхолащивание из ратной этики всего личного не могло не отразиться на боевом духе московского воинства. Н. М. Карамзин с сожалением констатировал: «...ослабела

храбрость, питаемая народным честолюбием. <...> Древние полководцы наши, воспалая мужество в войнах наших, говорили им о стыде и славе: герой Донской битвы – о венцах мученических» [6, с. 425].

Сами цари участвовали в воспитании смиренности и скромности православного воинства. Для царя Алексея Михайловича любое проявление тщеславия, честолюбия порочно и греховно, так как противоречит Святому Писанию. Тем более это касается войны, ниспосланной Господом для испытания духовных сил и искренности веры. На войне грехопадение, в том числе и гордыня, себялюбие, неизменно будет наказано поражением. Святое Писание подкреплялось и тактико-рациональными соображениями. Стремление прославиться, нежелание разделить успех с товарищами, присвоить победу только себе, как правило, сопровождаются торопливостью, безрассудством и приводят к бесполезным жертвам.

«Тишайший» царь постоянно напоминает своим воеводам, что своей гордостью они не только губят свою душу перед Богом, но и проигрывают битвы. Гордыней, например, объясняется военная неудача князя Лобанова-Ростовского, допущенная во время войны с Польшей.

Князь, командуя отдельным войском, «вздумал приступить к городу Мстиславлю собою... своею гордостью», не подготовившись как следует, «не испросив государева указа». Осуждался воевода не за само решение атаковать крепость, а за то, как он его выполнил: понадеялся «на свое человечество и дородство, кроме Бога, а Божественная писания не воспомянул» [9, с. 538].

Отходчивый царь советует незадачливому воеводе «отложить всякую гордость и спесь», «всякую высоту оставить и смирить себя пред Богом», и лишь после этого он получит прощение государя [Там же, с. 540].

Любопытен тот факт, что иностранцев в воспитанном в холопской покорности и смирении народе поражает совсем иное. Посетившие Россию в разные эпохи, при разных царях и правителях, они в один голос твердят о заносчивости и «великой гордости московитян» [8, с. 210]. Флетчер пишет о высокомерном отношении русских к плодам цивилизации из-за «тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран...» [10, с. 137]. Шведский посланник Поммеренинг упоминает непомерную гордыню московских дворян, отказывавшихся подчиняться голландскому полковнику, иноземцу и иноверцу [1, с. 13]. О гордом своенравии «московского народа, привыкшего ставить ни во что иноземные народы», упоминает Мейерберг [Там же, с. 14]. П. Гордон возмущен москвичами, которые «высокомерны и деспотичны... однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов» [2, с. 105-106]. От них не отстают брауншвейгский посол Вебер: «Московиты – самые тщеславные и прегордые из людей; они... одних себя считали образованными, смысленными и мудрыми» [5, с. 1076].

Из этих свидетельств очевидно, что гордыня, заносчивость, честолюбие все-таки таились в глубинах загадочной русской души. Скорее всего, таким образом русский дворянин выражал свое превосходство над чуждой культурой, ложной и греховной, в его восприятии. Православному были чужды ее нравственные ценности и этические нормы. Он не скрывает своего неприятия и европейского честолюбия: «Они обвиняют в безумии некоторых немцев, отличающихся более возвышенной доблестью, за то, что те усиленными просьбами стараются... подвергнуться несомненным опасностям воинской службы. <...> Московиты не знают, что в человеке таится божественная искра, в силу которой доблесть ведет его похвальное честолюбие к венцу славы, не взирая на саму смерть и раны» [8, с. 210-211].

Любые высокие качества, превозносящие отдельную личность, будь то достоинство, гордость или честь, порицаются, считаются грехом. Попытки выделиться и прославиться высмеиваются и презираются. Именно эта черта русских раздражает П. Гордона: «...на иноземцев смотрят как на сборище наемников, и... не стоит ожидать никаких почестей или повышений, кроме военных, да и то в ограниченной мере...» [2, с. 105].

Зато гордость как общественный настрой, как чувство превосходства нашего над чуждым, проявленная даже в крайних формах, одобряется внутри общества. Гордость московского дворянства носит коллективный, иногда корпоративный, иногда общеземский и даже общенациональный характер.

Проявление корпоративного достоинства – довольно редкий случай в истории. Так, древний хронограф оставил воспоминания, как Дмитрий Трубецкой воспринял приход войска Козьмы Минина к Москве в 1612 г.: «Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет». В ответ келарь Авраамий Палицын успокаивал высокомерного князя: «...мужик на помощь прибыл к вам... а не честь вашу похищать...» [11, с. 327].

Примерами же родовой чести и гордости изобилует весь данный исторический период. В понятие чести вкладывался двойной смысл.

Родовитое дворянство собственную честь высоко ценило и понимало как престиж своего рода. Престиж дворянского рода означал его древность, которая, в свою очередь, определялась службой всех предшествующих поколений. Честь, или «отечество», имела значение именно как родовая, фамильная нравственно-этическая ценность. Ценность «отечества» определялась стариной, поэтому практически не зависела от текущей административно-политической конъюнктуры, даже от воли царя: «...за службу государь жалует поместьем и деньгами, а не отечеством» [3, с. 222-224]. Она редко конвертировалась в материальные вознаграждения, практически никак не соизмерялась с карьерным ростом и льготами, царской милостью или иными поощрениями.

Этот древний застывший монолит родовой чести московское дворянство свято хранило и ревностно оберегало. Весь рассматриваемый период в княжеско-боярских верхах непрерывной чередой шли «местнические споры», в ходе которых соперники оспаривали друг у друга древность «отечества». Только в 1629-1635 гг. в Дворцовых разрядах Московского государства зафиксировано 78 случаев обращения дворянства с челобитными к царю «о местах» и «бесчестии» [4, с. 186, 272, 276, 282, 297, 314, 322, 349, 353, 362, 364, 368, 372, 374, 375, 386, 400, 404, 420, 433, 443, 451, 479, 499].

По отношению к неродовитому дворянству честь все чаще воспринимается как усердие и старание. Позднее эта коннотация найдет выражение в известной афористичной сентенции Петра Великого: «В службе – честь!». Эта этическая категория, более гибкая и рациональная, имеет ярко выраженную практическую направленность.

Для служилого дворянина честь материализовалась в повышении в чине, земельном или денежном пожаловании или в ином выражении царской милости. Повышение в должностной ступени «было “честью”, отличием, возвышавшим служебный чин и открывавшим доступ к государю, дававшим право “видеть государевы очи” в то время, когда другие были лишены этого» [7, с. 256-257]. И наоборот: за проступок астраханского воеводы Василия Ромодановского царь Алексей Михайлович указал «отнять у него честь (чин), а к нему послать наказ... “с грозой и с милостью, чтоб он к нам, великому государю, вину свою покрыл службою”, казне сделал бы прибыль свыше прежнего и тем бы возвратил бы себе отнятую честь...» [Там же, с. 457].

В отношениях чести и достоинства в условиях подданничества инициатива полностью исходила от субъекта отношений, т.е. со стороны господина. Оказание чести считалось нравственно-этической прерогативой царя по отношению к дворянину, вообще функцией господина по отношению к подданному. Чествование как милость к подданному вполне укладывалось в православный канон, честь как личностное, индивидуальное качество, стремление отличиться противоречила христианским заповедям и строго порицалась.

Таким образом, дворянское достоинство как совокупность корпоративных нравственно-этических качеств эпохи позднего феодализма стало воплощением определенной культурно-ментальной среды, отражением ее духовных ценностей, этических норм и ментальных свойств. Западноевропейское представление о дворянском достоинстве являлось естественной эволюцией средневекового рыцарского кодекса чести и основывалось на высоких морально-этических качествах личности. Отечественная культурно-историческая традиция нивелировала личность, отвергала индивидуалистическую этику, честолюбивые помыслы в любых проявлениях, насаждая православные общественно-коллективные ценности. Это в полной мере определяло как сильные, так и слабые стороны московского военно-служилого сословия. Только усилиями Петра Великого удалось совместить в российском дворянстве православные духовные добродетели и высокие морально-боевые качества, привить ему истинное представление о чести, стремление к славе и здоровому карьеризму.

Список источников

1. Бородин А. В. Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1916. 19 с.
2. Гордон П. Дневник 1659-1667 гг. М.: Наука, 2003. 315 с.
3. Дворцовые разряды: в 4-х т. СПб.: Тип. II отделения собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1850. Т. I. 656 с.
4. Дворцовые разряды: в 4-х т. СПб.: Тип. II отделения собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1853. Т. II. 496 с.
5. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. М.: Тип. Грачёва, 1872. № 6. С. 1057-1168.
6. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988. 768 с.
7. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902. 547 с.
8. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 322 с.
9. Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. 624 с.
10. Проезжая по Московии / под ред. Н. М. Рогожина. М.: Международные отношения, 1991. 367 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти кн. М.: Мысль, 1990. Кн. V. 717 с.
12. Brosse J. Tableau de l'homme juste, sur les vertus et a la memoire de Francois de Montholon. P., 1626. 130 p.
13. Castilione V. The Book of the Courtier. N. Y.: Garden City, 1959. 266 p.
14. Ceriziers R. Le Heros Français, ou l'idée du grand capitaine. P., 1645. 340 p.
15. Colombiere M. V. de la. Généalogie de la Maison de Rosmadec. P., 1644. 146 p.
16. Dictionnaire de l'Académie Française: en 2 vol. P., 1694. Vol. I. 841 p.
17. Du Paz A. Généalogie de la maison de Molac. Rennes, 1629. 225 p.
18. Du Plessis. Les vies de m. Jacques et Antoine de Chabannes, tous deux grands maitre de France. P., 1617. 230 p.
19. Furetiere A. Dictionnaire universel: en 3 vol. The Hague – Rotterdam, 1690. Vol. I. 1190 p.
20. La veritable conduite du courtesan geneveux. P., 1649. 144 p.
21. Langer U. Merit in Courtly Literature; Castilione, Rabelais, Marguerite de Navarre, and Le Caron // Renaissance Quarterly. The University of Chicago Press Journals. 1988. Vol. 41. № 2. P. 218-241.
22. Monluc B. de. Commentaires et Lettres de Blaise de Monluc, Marechal de France: en 5 vol. P., 1870. Vol. 3. 780 p.

SOCIAL DIGNITY OF MOSCOW AND WEST EUROPEAN NOBILITY IN THE XVI-XVII CENTURIES

Kutishchev Aleksandr Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport
kutishhev@yandex.ru

The article is written within the framework of the study focused on a cultural and civilizational analysis of the domestic and West European military art of late feudalism period. Relying on the domestic and foreign sources of the XVI-XVII centuries the author traces the evolution of social moral and ethical qualities of the European and Moscow nobility. Honour, pride, thirst for fame are analyzed through the prism of individualism of the European cultural environment and communal psychology of the Russian world.

Key words and phrases: late Middle Ages; European nobility; Moscow service class people; code of honour; courteous ethics; Orthodox values; honour; dignity; humbleness; meekness; individualism and collectivism.